

**Концепции и парадигмы
глобального эволюционизма**

**ЗАКОНЫ ЭВОЛЮЦИИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА
В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Д.В. ТРУБИЦЫН

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Аннотация

Опираясь на результаты собственного исследования модернизации, автор анализирует законы социальной макроэволюции, сформулированные российскими учеными А.В. Коротаевым и Л.Е. Грининым. Выявляются как возможности, так и трудности их применения к проблеме модернизации как крупномасштабной социально-исторической трансформации. Анализируется понятие «ароморфоз», раскрываются противоречия мир-системного подхода в его применении к проблеме модернизации, рассматривается иерархия факторов социальной макроэволюции и критические положения в адрес классического эволюционизма как однолинейной модели истории. Автор отстаивает классический подход к модернизации и классические же принципы эволюционизма, что подразумевает относительную монолинейность исторического процесса, обнаруживающуюся в интенсификации взаимодействия природы и общества под действием стесненности в ресурсах, настаивает на более жесткой детерминации и более устойчивом проявлении законов общественного развития. Возражает против теоретического сужения модернизации до неоднократно происходящего в истории многих стран экономического, политического и культурного подъема.

Ключевые слова: модернизация, социальная эволюция, ароморфоз, природа, общество.

Трубицын Дмитрий Викторович – доктор философских наук, доцент Забайкальского государственного университета, Чита.

dvtrubitsyn@yandex.ru

Цитирование: ТРУБИЦЫН Д.В. (2017). Законы эволюции природы и общества в процессе модернизации // Философские науки. 2017. № 11. С. 40–58.

Поиск закономерностей модернизации как крупномасштабного исторического процесса заставляет обратиться к попыткам применения положений естественных наук в социальном познании. В центре внимания – работы по сравнительному анализу биологической и социальной эволюции [Гринин, Коротаев 2007а, 4].

Понятие ароморфоза, перспективы его применения. Обнаруживая между принципами развития природы и общества существенные сходства, А.В. Коротаев и Л.Е. Гринин заимствуют из биологии понятие «ароморфоз» [Северцов 1967], которое в применении к обществу понимают как «универсальное изменение в развитии социальных систем, повышающее сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ», и отмечают, что если в биологической эволюции от ароморфоза к ароморфозу растет вероятность возникновения последующих ароморфозов, то в социальной эволюции это свойство усиливается на порядки [Гринин, Коротаев 2007а, 22].

В применении к проблеме модернизации это позволяет решить целый ряд вопросов, в частности, преодолеть метафизический взгляд на общество и экономику и понять, насколько увеличиваются способности социальной системы при ее развитии. Это позволяет также учесть важный критерий развития, как правило, упускаемый теоретиками модернизации, – выход развивающейся системы на сверхновый уровень. Речь идет о наличии постиндустриальной составляющей в экономике – показателях высокотехнологического производства, которые необходимо закладывать в анализ реального модернизационного процесса конкретных стран. Это же понятие позволяет внести ясность в теоретически и практически важную проблему оценки опыта стран, осуществлявших в XX в. «социалистический эксперимент», тоталитарных стран в целом, в вопрос, считать ли их историю состоявшейся модернизацией, а сложившиеся социальные модели – образцами современного индустриального общества. Их опыт придется отвергнуть в силу того, что выйти на этот новый уровень даже при учете некоторого успеха на индустриальном, они не смогли. Иначе говоря, модернизация как завершённый ароморфоз должна дать возможность выхода на уровень постиндустриального общества – нового ароморфоза. И если этого нет, рассматривать его как вариант модернизации нельзя.

Однако применение данного теоретического конструкта к проблеме модернизации порождает и некоторые проблемы.

Авторы понимают социальную эволюцию как процесс «структурной реорганизации обществ, в результате которого возникает форма, качественно отличающаяся от предшествующей, что дает такому обществу преимущества в его взаимодействии с природной или социальной средой» [Гринин, Коротаев 2007а, 19]. Механизмом эволюции они считают именно ароморфоз, выводящий социальные системы на более высокий уровень организации. Важнейшей характеристикой ароморфоза является усложнение системы, но с опорой на данные биологии авторы справедливо отмечают, что есть изменения иного типа — частного характера, не ведущие к усложнению, которые называют «идеоадаптацией». Они подразделяются на «алломорфоз», т.е. преобразование без повышения сложности, и «специализацию» — выработку узких, односторонних приспособлений. Следствия же ароморфозов подразделяются на а) повышение уровня сложности обществ и увеличение возможности расширения и изменения природной и социальной среды; б) увеличение скорости изменений и заимствований; в) рост степени интегрированности и создания надсистем, не принадлежащих ни одному обществу в отдельности; г) создание сверхсложных систем, в рамках которых каждая общественная система, оставаясь автономной, становится частью сверхкрупной системы и развивается за счет специализации и внутрисистемного разделения функций [Гринин, Коротаев 2007а, 23]. При этом авторы сосредотачиваются на пунктах «в» и «г» по той причине, что именно они представляют им признаками *макроэволюции*.

Полагаем, что при рассмотрении в качестве ароморфоза модернизации как трансформации аграрного общества в индустриальное в первую очередь нас должны интересовать изменения «а» и «б», поскольку в реальном развитии они являются необходимыми условиями, предпосылками обозначенного под пунктами «в» и «г». Возможность интеграции системы в суперсистемы вырастает только при ее усложнении. Рост степени интегрированности обществ и увеличение их способности созданию над- и суперсистем здесь скорее следствия, чем однопорядковые и равнозначные усложнению изменения. Каждый социум может интегрироваться, например, в мировую экономику ровно настолько, насколько он сам внутренне изменился. Успех

будет зависеть прежде всего от его собственной развитости и дифференциации, а не от внешних обстоятельств.

Именно здесь находятся причины того, что под решающими факторами модернизации авторами станут пониматься скорее внешние воздействия, чем внутренние трансформации, скорее геополитические, геокультурные и геоэкономические, чем социально-экономические, внутривнутриполитические и социокультурные изменения. Безусловно, в истории обнаруживаются случаи интеграции социальных систем в суперсистемы без особых структурных усложнений (например, колониальный синтез). Но является ли эта неполноценная интеграция развитием, порождает ли она условия для нового ароморфоза — большой вопрос.

Полагаем, узел противоречий находится здесь: «если в социальных эволюционных и микроэволюционных процессах, как правило, преобладают одноуровневые и/или достаточно частные (идиоадаптационные) эволюционные составляющие, то на социальном макроуровне особую роль играют более чем одноуровневые (и потому в плане развития более важные) восходящие изменения, т.е. социальные ароморфозы» [Гринин, Коротчаев 2007а, 22].

Макропроцессы отделены здесь от микро- и мезопроцессов непреодолимым барьером. Возникает вопрос, откуда возьмется макро-уровень и ароморфоз на нем, если на микроуровне имеются только идиоадаптационные изменения? Страна не может стать полноценным субъектом мировой экономики, если в ней нет людей, способных организовывать труд и отношения так, чтобы производить продукцию мировых стандартов качества. В равной мере она не может стать субъектом современных международных отношений (участником надобщественных систем, «не принадлежащих ни одному обществу в отдельности»), если в ее обществе господствуют средневековые психические установки. Мы твердо уверены в том, что ароморфоз как усложнение социальной системы на макроуровне возможен только при усложнении микро- и мезоуровня, а не при однопорядковых лишь и частных — идиоадаптационных — изменениях. И особенно большой ошибкой (при анализе проблемы модернизации) будет считать, что макроуровень более важен. Это сближает данную позицию с «мир-системной» методологией, раскрывающей существенные стороны развития, но при их абсолютизации искажающей его механизм.

Противоречия «мир-системного» подхода. «Мир-системный» подход, используемый авторами в качестве одного из теоретических оснований описания механизмов социальной эволюции, составляет проблему уже потому, что для него не существует модернизации именно как внутреннего развития общества. Его объект — мировая система капитализма (мир-экономика), это структуралистское направление, где приоритет в изучении системы остается за конфигурацией связей в ущерб элементам. Если модернизация отдельной страны и допускается, то только как следствие трансформации единой мировой системы — перехода от «мир-империи» к «мир-экономике», и нет никаких причин для трансформации аграрного общества в индустриальное помимо ее потребностей. Проблема генезиса капитализма также решается структуралистски — сначала сложилась система капиталистических связей (система примитивного товарообмена переросла в систему развитой торговли), и только затем собственно экономика стран и регионов, сначала в Западной Европе, затем по всему миру стала капиталистической, т.е. основу ее составили рынок, частная собственность, наемный труд [Валлерстайн 2001].

Теоретически наибольшие возражения вызывает структуралистский подход. Нет оснований сомневаться в том, что мировая система капитализма существует, но из системной методологии не следует с необходимостью структурализм, нет оснований игнорировать роль элементов в трансформации системы. В этих элементах — отдельных странах и регионах — идут процессы, обусловленные внутренней логикой развития общества, влияющие на состояние системы в целом и способные изменить положение страны. Отсюда следует, что проблема модернизации существует, равно как и сама модернизация как внутренне детерминированная трансформация общества. Положение той или иной страны на мировом рынке зависит от степени модернизации ее общества — чем она выше, тем более выгодное положение займет страна в мировой системе разделения труда. Сказанное не исключает влияния внешних факторов, но исход развития зависит от внутренних социальных и природных условий не меньше, чем от внешних.

Критика положения о приоритете связей над элементами имеет немалое значение для развивающихся стран. Наиболее вредным здесь является вывод о том, что их положение на мировом

рынке не зависит от них самих, и можно возложить ответственность за это положение на абстрактную мир-систему, которая, якобы, поставила их в изначально невыгодные условия и в которую не нужно и даже опасно интегрироваться. Будучи озвученным во введении к русскому изданию книги Валлерстайна, такой вывод отражает господствующие в отечественной науке и общественной мысли настроения: «кризис, переживаемый нашей страной, — лишь часть мирового» [Валлерстайн 2001, 5]. Отметим привлекательность данной позиции для весьма популярной в развивающихся странах прокоммунистической и традиционалистской идеологии: она дает возможность снять ответственность за происходящее в стране с себя и переложить ее на другого. Правда, теперь уже не конкретизированного врага, а на безличную мир-систему, но суть от этого не меняется.

Упрощение понятия модернизации. Возвращаясь к работам Гринина и Коротаева отметим, что их расстановка приоритетов сузит модернизацию до незначительных поверхностных изменений, исключит ее понимание как глубокой социальной трансформации, затрагивающей сами основы общества. Под модернизацией будет подразумеваться усиление социального режима по отношению к внешним обстоятельствам, прежде всего геополитическому, выраженное в появлении новых отраслей производства, вооружений, в реорганизации армии. Это приведет к слиянию научного понятия модернизации с обыденным, трактуемым как «обновление» (модернизация армии, флота, заводского оборудования и т.п.). «Модернизация — это дело не столько внутренней экономики страны, сколько изменение ее позиции во внешних геоэкономических взаимодействиях», пишет, например, Н.С. Розов, опирающийся в своих трудах и на понятие ароморфоза, и на мир-системный анализ Валлерстайна [Розов 2011, 551].

Поскольку макроизменений не может быть без микропроцессов, нельзя разделять уровни их рефлексии методологически. Примером заблуждений, ставших результатом рассогласования макро- и микроуровней, является рассмотрение таких событий, как Великие географические открытия, колонизация, соперничество держав, приведшее к развитию мореплавания и военного дела, в качестве факторов породивших ускоренную модернизацию Запада. Этих макроявлений не было бы, не будь опережающего социально-экономического развития стран Западной

Европы уже с рубежа XI–XII в. Именно поэтому мы настаиваем на том, что модернизацию нельзя сужать до кратковременных подъемов тех или иных государств, равно как нельзя ограничивать ее индустриальной революцией и двумя–тремя веками перед ней. Концепция модернизации утверждает о наличии процессов, имеющих намного большую общечеловеческую значимость, чем кратковременные усиления эффективности тех или иных социальных систем. Мы основываемся здесь на классических теориях модернизации, в которых последняя по своей значимости ставится в один ряд с неолитической революцией и возникновением цивилизации. Казалось бы, защищаемый авторами подход предполагает именно широкую трактовку понятия «социальный ароморфоз» и распространение его законов на все исторически значимые трансформации, но его применение к проблеме модернизации допускает сужение данного процесса до неоднократно происходящего в истории многих стран экономического, политического и культурного подъема.

Считать, что модернизация как ароморфоз может возникнуть только на макроуровне и сопровождаться лишь одноуровневыми идиоадаптационными изменениями на микро- и мезосоциальном уровне, означает пытаться обмануть эволюцию. Что придаст социальной системе новое качество, если ее акторы не являются субъектами новых отношений? Оттеснение на второй план усложнения на микроуровне приведет к тому, что полноценным современным обществом станет, например, Северная Корея, и тоталитарные режимы окажутся таким же путем в современности, как и демократические. Авторы видят проблему и пытаются решить ее оговорками: «Фактически без развития, без двуединого процесса дифференциации и интеграции макроэволюционные сдвиги невозможны. Конечно, в некоторых из них (например, при переходе к «социалистическим» системам) одноуровневые и даже дегенерационные составляющие могли преобладать над ароморфозными... Но если мы хотим изучить макроэволюционный процесс, в результате которого мир, населенный группами охотников-собирателей, превратился в постиндустриальную Мир-Систему, наибольший интерес представляют именно те макроэволюционные сдвиги, в которых преобладали составляющие развития» [Гринин, Коротаев 2007а, 24].

Этот тезис справедлив и имеет большое методологическое значение: в мировой истории есть то, что развитием не является — тупиковые линии, не приводящие ни к выходу на новый уровень, ни к усложнению. Следовательно, необходимо разделить понятия «исторический процесс» и «развитие», что авторы и делают, понимая под развитием только прогрессивные изменения. И если понимать под ароморфозом механизм развития как прогрессивного изменения при обязательном наличии усложняющих социальную систему микро- и мезосоциальных изменений, это понятие вполне может быть применено к модернизации.

Но авторам не удастся избежать некоторых противоречий. В частности, в приведенной выше цитате развитие представляется как частный случай эволюции, последняя является более широким понятием: далеко не всякая эволюция ведет к развитию. Это обнаруживается и в другом месте: «процессы социального развития оказываются составляющей общего процесса социальной эволюции» [Гринин, Коротаев 2007а, 48], а также при экстраполяции биологических терминов «ароморфоз», «алломорфоз» и «идиоадаптация»; все это — эволюционные механизмы, но алломорфоз и идиоадаптация к выходу на новый уровень, следовательно, к развитию, не ведут. Но в то же время они разделяют развитие на эволюционное и неэволюционное, и сначала понимают под ним только «значимый рост сложности социальных систем» [Гринин, Коротаев 2007а, 25], а позднее представляют его в виде фаз циклического процесса без явной качественной трансформации от цикла к циклу, и утверждают, что «в жизни общества существуют разные типы развития — не только движение по восходящей линии» [Гринин, Коротаев 2007а, 44].

Критика эволюционизма как однолинейной схемы истории. Критикуя «однолинейные схемы истории», авторы все же неоднократно пишут о «магистральном пути» эволюции, который, в конце концов, вытесняет все остальные [Гринин, Коротаев 2007а, 36, 37, 42], что говорит в пользу однолинейности, но понимаемой не как «железная необходимость», а как результат «естественного» социального отбора. Полагаем, важно учесть следующее. Если в результате отбора побеждает некоторая форма организации общества, необходимо решить для себя в первую очередь, что является предметом исследования: при-

чины и закономерности возобладания одной из форм, или само разнообразие форм, появившихся в результате вызова? Критики однолинейности пишут о том, что могло быть так, а могло быть иначе, обвиняя своих оппонентов в невнимании к альтернативам. Это законно. Но ведь в результате отбора стало именно так, а не иначе, и то, почему что-то произошло именно так, необходимо изучать, тем более, если считать, что это произошло *закономерно, а не случайно*. И при этом условии альтернатива, или то, что кажется исследователю альтернативой, превращается в тупиковую линию эволюции, не ведущую к развитию. Вспомним уже затронутую проблему тоталитарных и социалистических «альтернатив» модернизации, которые многие считают вполне реальными (а некоторые — успешными) вариантами развития. Критики «монолинейной теории модернизации» настаивают на «многообразии форм» индустриального общества, но многим ли из этих форм удалось шагнуть в постиндустриальный мир, а не уйти в небытие в ходе XX столетия?

Установка на то, что все варианты ответов, которые дают общества на вызов, необходимо рассматривать как равноправные, представляется верной и полезной. Лишь какой-то один, поначалу незаметный, не сразу проявляющий свои преимущества, побеждает в конкурентной борьбе. То есть для утверждения новой, более эффективной формы необходим «инкубационный период», она далеко не сразу раскрывает свои преимущества [Гринин, Коротаев 2007с, 25, 27]. Этим объясняется, на наш взгляд, почему в экономическом, культурном и политическом плане, несмотря на раннее начало модернизации, Западная Европа вплоть до XVIII в. казалась отсталой периферией мира, а по сути и была таковой, и только в начале XIX в. ее преимущества стали явными. Это касается и Японии. И безусловно важно знать, что первичное разнообразие этих форм-ответов — необходимое условие эволюции. Здесь авторы борются с установкой на предопределенность доминирования тех или иных форм в силу их некоей изначальной исключительности.

Однако полагаем, что эти соображения не отменяют всех положений классического эволюционизма. В частности, есть основания считать, что утверждение той или иной формы — не случайность, а закономерность, поскольку побеждают в итоге наиболее эффективные ответы. Авторы склонны говорить о приоритете случайности; мы же считаем, что в конкретных

обстоятельства ответа безусловно многое случайно, но победа более эффективной формы закономерна. Бесчисленные случайности не отменяют неизбежность возвышения наиболее эффективных форм, ведь в этом заключается сам механизм эволюции путем «естественного» отбора — без принципа «побеждает сильнейший» он не работает. Мы не беремся рассуждать обо всех трансформациях, но как минимум в отношении модернизации это верно: пока в мире утверждается наиболее эффективный «вариант» индустриального общества из всех предложенных в XX в. «альтернатив».

Поэтому законная критика однолинейности и доминирующего фактора истории не противоречит поиску общих тенденций и закономерностей конкретных социально-исторических процессов. Таковыми, например, являются *интенсификация* и ее зависимость от природных условий и ресурсной обеспеченности [Трубицын 2007; Трубицын 2010]. Пусть магистральный путь намечается не сразу, а побеждает в долгой конкурентной борьбе, но он есть, следовательно, в тех или иных аспектах мировая история однолинейна. Это признают де-факто и сами авторы, фиксируя в другой работе общие тренды роста «потолка несущей способности Земли», обусловленного развитием «жизнеобеспечивающих технологий» под действием роста населения [Коротаев, Малков, Халтурина 2005, 30].

Поэтому есть основания принять с учетом вышеуказанных замечаний предлагаемую концепцию эволюции и развития, при которой первая есть процесс структурной реорганизации, приводящий к возникновению качественно новых форм, а второе — разновидность эволюции, ведущая к появлению более организованных и сложных форм, обладающих большими способностями использования среды. И есть основания согласиться с тем, что только в этом случае эволюционизм становится деятельностью по поиску номотетических объяснений структурных изменений, т.е. законов.

Понятие научного закона. В связи с вышесказанным необходимо прояснение понятия «научный закон». Установка на него как на мыслительный конструкт представляется ненужной в данном случае актуализацией субъективной стороны познания. Мы более склоняемся к его классической трактовке как «объективной, существенной и необходимой связи», чем к тому, что закон есть «утверждение о том, что что-то произойдет с той

или иной степенью полноты при строго оговоренных условиях» [Гринин, Коротаев 2007а, 28], что фактически является не законом, а его следствием. Не считаем также целесообразным принципиально разделять законы на «классические», описывающие часто повторяющиеся явления, и «законы ароморфозов», имеющие дело с уникальными (на первый взгляд) явлениями. Вызывает сомнение и утверждение, что именно вторые представляют особую важность для изучения макропроцессов, так как ароморфозы встречаются редко и для них необходимо слишком много совпадающих условий. По мнению авторов, совпадение условий некоторых явлений (возникновение жизни и человека, поворотные моменты его истории) больше никогда не случится и никакую «устойчивую повторяющуюся связь» в них выявить невозможно.

По отношению к таким «ароморфозам», как возникновение жизни, разума, человека, данное утверждение, быть может, и верно, но является ли таковым феноменом модернизация? Можно ли с уверенностью утверждать, что индустриальное общество возникло только раз (и только в условиях зарождающейся «мир-экономики»), а потом репродуцировалось на другие традиционные общества, или его возникновение как внутренняя трансформация аграрного общества есть неоднократно повторяющееся явление? Мы твердо уверены во втором: на это указывает история и Японии, и некоторых других западных стран, где созревание капиталистического уклада происходило задолго до европейского влияния.

Есть и метафизические установки на запрет разведения научных законов на «классические» и «ароморфозные», связанные с принципом субстанционального единства мира. Полагаем, что категория «научный закон» должна быть единой, причем как для социальной реальности, так и для естественной, хотя, конечно, следует учитывать различия их реализации. Они давно зафиксированы в понятии «закономерность», отражающем стохастичность, относительную непредсказуемость протекания законов в обществе, но не говорящем о том, что «природа» этих законов принципиально иная. Анализ научного закона, проведенный А. Уайтхедом, на который опираются авторы в своей критике объективизма, не должен вводить в другую крайность — релятивизма и субъективизма. Понимание закона Уайтхедом все-таки остается классическим, он не ставит под сомнение

ни само существование законов, ни их объективную принадлежность, а рассуждает над проблемой их субъективного выражения, и не только борется с объективизмом как средством спекуляции, но и предостерегает от субъективизма как основы релятивизма. «Никакое знание или работающий метод не были бы возможными, если бы природа вещей не содержала в себе некоторую однородность. Без закономерности эта природа представляла бы собой лишь хаос разрозненных явлений, не имеющий ничего общего с другим таким же хаосом ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем» [Уайтхед 1990, 506].

Однако представленные авторами логические основания различия «классических» и «ароморфозных» законов методологически важны в исследовании модернизации. До определенного момента, до того, как трансформационные процессы в средневековом японском обществе приобрели черты необратимых, в распоряжении ученых имеется только один факт возникновения индустриального общества — в Западной Европе, и эта его временная уникальность чрезвычайно затрудняет выявление закономерностей данного процесса, вернее, делает эту задачу никогда не выполнимой до конца. Появление второго автохтонного очага индустриального общества позволяет применять уже целый ряд методов, но для этого необходимо отбросить мысль об уникальном происхождении капитализма. Но даже если исходить из нее, логично распространив принцип уникальности на феномен возникновения жизни, разума, и даже Вселенной, мы оставляем за собой право считать и модернизацию, и эти явления *закономерными*. И хотя выявить эту закономерность чрезвычайно сложно, а повторить, воспроизвести условия ее протекания и вовсе немислимо, она остается объективной реальностью, а не мыслительным конструктом, «законом-знанием», который исчезает вместе с человеком, его «носителем».

Поэтому мы не видим оснований отказываться от классической объективистской трактовки научного закона даже при столкновении с «эпохальными событиями», в результате которых появляются новые формы. Тот факт, что для них нужно более сложное стечение обстоятельств, принципиально ничего не меняет; он, конечно, усложняет процесс познания, но не дает права вводить какой-то совершенно особый тип научных законов. Нужно говорить скорее об особых трудностях их обнару-

жения (как в случае европейской модернизации), об открытии новых срезов реальности, а в связи с этим – новых законов и новых условий протекания уже известных. Предлагаемое же Грининым и Коротаевым понятие научного закона роднит их методологию с синергетикой. Действительно, «при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» [Пригожин, Стенгерс 1986, 54]. Однако данный тезис следует понимать не как основание для отказа от поиска объективных законов, а как сигнал к подготовке методологии к более высокой стохастичности их проявления. Данное положение синергетики говорит о расширении границ возможного, а не об их полном исчезновении.

Авторы правы в том, что законы следует не постулировать, исходя из некоторых предустановок (именно на это направлена критика объективизма, перешедшая, на наш взгляд, в абсолютизацию субъективной стороны), а выявлять путем непосредственного анализа фактов. Тогда и становится востребованной установка на то, что закон есть утверждение, что «что-то произойдет при определенных условиях». Научный закон есть классическая диалектическая пара: как «существенная, необходимая и устойчивая связь» он принадлежит объекту, но познающему субъекту он дан в виде конкретной связи между конкретными явлениями и будет обнаружен только тогда, когда будет доказано, что «что-то происходит при определенных условиях».

Иерархия факторов эволюции. Критикуя монизм в проблеме движущих сил истории, авторы приходят к мысли, что иерархию факторов необходимо строить по отношению к каждой проблеме отдельно: только так можно раскрыть причинно-следственные связи [Гринин, Коротаев 2007b, 11]. Но сами они не отказываются от попытки построения такой иерархии по отношению к социальной эволюции в целом, и лидирует в ней фактор демографический: «развитие в любом из направлений так или иначе связано с увеличением демографического давления». В пользу интересующего нас механизма модернизации говорят также пп. 8) «механизм развертывания потребностей» и 10) «функционирование социальных систем в условиях ограниченности в ресурсах» [Гринин, Коротаев 2007b, 12, 13, 18–22].

Казалось бы, представленная иерархия не противоречит классическому пониманию модернизации и трактовке стесненности в ресурсах как ее причины. Но оно вновь блокируется постановкой на первое место «контактов между обществами» [Гринин, Коротаев 2007b, 37]. Авторы подчеркивают огромную роль внешних факторов, критикуя историографию, прежде всего отечественную, за невнимание к ним, за стремление обнаружить механизмы развития внутри общества. Тезис о необходимости внешнего влияния они аргументируют тем, что одного нового вызова для ароморфоза недостаточно, а необходим новый ответ, который не содержится в прежнем «культурно-генетическом коде», а заимствуется извне. В итоге констатируется, что для появления новой, эволюционно перспективной модели всегда требуется сочетание особых, в чем-то исключительных условий, уникальное совпадение внешних и внутренних факторов [Гринин, Коротаев 2007b, 26]. Роль случая оказывается чрезвычайно важной: авторы утверждают, например, что монгольской империи не было бы, если бы Чингисхан был убит до ее создания [Гринин, Коротаев 2007b, 29].

Наделение столь высоким статусом влияния не только внешнего фактора, но и случая, также сближает данную концепцию с синергетикой и ее положением о том, что в точке бифуркации чрезвычайно расширяются возможности развития в разных направлениях под влиянием случайного стечения обстоятельств. Как пишет Н.Н. Моисеев, «главное в характеристике бифуркационного механизма — неопределенность: по какому из возможных каналов эволюции пойдет развитие, какова будет новая организация системы — предсказать невозможно в принципе, ибо окончательный выбор пути обуславливается случайным характером возмущений» [Моисеев 1987, 32].

Однако мы полагаем, что ни поливариативность, ни роль случая преувеличивать нельзя. С одной стороны, развитие порождает разнообразие, с другой, обнаруживаются структурные сходства всех социальных и естественных форм. Разнообразие биологических и неживых систем не должно затмевать другого — их однообразия, выраженного в возможности систематизации и классификации, порожденного, на наш взгляд, не только генетическим родством. Открытым остается вопрос и о том, сужается канал эволюции социальных систем или расширя-

ется. Во всяком случае, убеждение мыслителей конца XX в., что «развитие земной цивилизации движется к однолинейной модели» [Наумова 1999, 7], возникло не на пустом месте, и мы полагаем, что этот феномен нельзя объяснить только евроглобализацией как внешним воздействием доминирующего канала эволюции.

Приведем другую точку зрения. Создатели «социоестественной истории» (Э.С. Кульпин, Д.Б. Прусаков), также использующие основные положения синергетики, хотя и соглашаются с тем, что выбор канала развития может определить самое ничтожное обстоятельство, а вероятность повторения ситуаций бесконечно мала, в то же время отмечают, что неопределенность не фатальна, и историческая практика способна воздвигать барьер всевластию случая [Прусаков 1999, 38]. Они ищут компромисс в виде «оптимального сочетания устойчивости и изменчивости», в то время как позиция Гринина и Коротаева в этом вопросе радикальна. Так, они считают воздействие природы на общество переменным фактором: одно и то же условие порождает совершенно различные эффекты. Безусловно верно, но это не означает, что в данных эффектах нет закономерностей, которые обуславливают движение человечества по пути не только свободы, но и необходимости. «Каналы эволюции» здесь хотя и метафора, но очень меткая — она указывает на то, что каналы эти «прорыты» в чем-то твердом, определяющем их «берега». Это означает, что история общества, равно как история природы, идет скорее коридорами необходимости, чем по широкому полю возможности. «Широким полем» эволюция представляется лишь тому, кто сосредотачивается на разнообразии возникающих в ходе развития форм и систем. Имея в качестве материала осмысления только налично бытийствующее, такой наблюдатель не ставит вопроса о его границах, о природе этих границ в рамках невозможного. Находясь внутри коридора и видя лишь возможное, он принимает этот коридор за бескрайнее поле.

Обратимся к известным фактам. Поиск следов жизни в космосе не случайно осуществляется на сходных с Землей и Солнечной системой планетах и звездных системах, не случайно ровно настолько, насколько не случайно само возникновение жизни. Если принять во внимание принципы единства химического строения материи и единства физических законов Вселенной

(оснований отказываться от них нет), ясно, что коридор эволюции неживой природы в живую сужается до условий, пригодных для существования углерода — единственного химического элемента, способного образовывать сложные соединения. Температура, давление, размеры планеты и звезды, расстояние между ними, скорость вращения и многие другие параметры должны быть близки земным. Еще более сужает канал эволюции необходимость наличия воды, причем именно в жидком состоянии. Если же стоит вопрос об условиях возникновения разума, канал эволюции становится еще более узким. Даже если где-то и есть другие разумные существа, они не должны сильно отличаться от человека своими размерами и строением: носителем идей может быть только достаточно сложный организм, свободно передвигающийся по поверхности планеты, относительно независимый от среды, не слишком больших и не слишком маленьких размеров.

Можно ли считать, что социальные системы ведут себя иначе? Если бы возникла возможность осуществления модернизации не в одном, а сразу в нескольких очагах в изоляции друг от друга — обнаружились бы в этом случае совершенно разные аналоги индустриального общества? Рыночные отношения и отношения собственности, независимо от их конкретного способа институционализации и культурного оформления, есть рыночные отношения и отношения собственности, и «есть только одна свобода, как бы многообразны не были варианты ее выражения в различных обществах» [Дарендорф 2002, 143]. Как и в случае косной и живой материи, разнообразие социальных форм не должно затмевать их относительного однообразия, выраженно в возможности их систематизации и классификации. Здесь онтологическое противоречие переходит в гносеологическое: абсолютное господство случая и принципиальная невозможность совпадения путей эволюции сделали бы невозможным и применение методов генерирующих наук, в том числе математических и социологических методов в истории.

Подводя итог, отметим, что противоречия предложенного Л.Е. Грининым и А.В. Коротаевым подхода, обнаруживающиеся при его применении к проблеме модернизации, не умаляют его общей значимости. Это касается и выявленных авторами законов социальной макроэволюции. Однако полагаем, что учет этих трудностей позволит применить основные теорети-

ческие конструкты данного подхода, и прежде всего – понятие ароморфоза, к проблеме модернизации более продуктивно. Противоречия эти преодолеваются путем относительного примирения предложенного подхода с положениями классического эволюционизма.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валлерстайн 2001 – *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – СПб.: Университетская книга, 2001.

Гринин, Коротаев 2007а – *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция и исторический процесс // *Философия и общество.* 2007. № 2. С. 19–68.

Гринин, Коротаев 2007б – *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция и исторический процесс // *Философия и общество.* 2007. № 3. С. 5–50.

Гринин, Коротаев 2007с – *Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Социальная макроэволюция и исторический процесс // *Философия и общество.* 2007. № 4. С. 18–52.

Дарендорф 2002 – *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002.

Коротаев, Малков, Халтурина 2005 – *Коротаев А.В., Малков Н.Л., Халтурина Д.А.* Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. – М.: КомКнига, 2005.

Моисеев 1987 – *Моисеев Н.Н.* Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987.

Наумова 1999 – *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? – М.: УРСС, 1999.

Пригожин, Стенгерс 1986 – *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: Прогресс, 1986.

Прусаков 1999 – *Прусаков Д.Б.* Природа и человек в Древнем Египте. – М.: Московский лицей, 1999.

Розов 2011 – *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – М.: РОССПЭН, 2011.

Северцов 1967 – *Северцов А.Н.* Главные направления эволюционного процесса. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.

Трубицын 2007 – *Трубицын Д.В.* Идея «многофакторности» исторического процесса и проблема модернизации Востока: современные российские интерпретации (Н.С. Розов, Л.С. Васильев, В.А. Зарин) // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2007. № 1. С. 70–74.

Трубицын 2010 – *Трубицын Д.В.* «Мегатенденции мирового развития» или «модернизация»: методологическая дилемма // ПОЛИС. 2010. № 6. С. 76–89.

Уайтхед 1990 – *Уайтхед А.* Избранные работы по философии / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1990.

EVOLUTION LAWS OF NATURE AND SOCIETY IN THE PROCESS OF MODERNIZATION

D.V. TRUBITSYN

Transbaikalian State University, Chita, Russia

Summary

Basing on the results of his own study of resource and territorial factors of modernization, the author analyses the laws of social macroevolution formulated by the Russian scientists A.V. Korotayev and L.E. Grinin. The paper reveals both possibilities and difficulties of their application to the problem of modernization as a large-scale socio-historical transformation. It analyzes the concept of aromorphosis, reveals contradictions of the world-system approach in its application to the problem of modernization, and examines the hierarchy of social macroevolution factors and critical theses on classical evolutionism as a unilinear model of history. The “classical” approach to modernization is argued for, as well as the classical principles of evolutionism, which presumes the relative monolinearity of the historical process that reveals itself, for example, in the intensification of nature-society interaction under the influence of resource constraints. It is also maintained that determinism is stricter, and the laws of social development manifest themselves more steadily than A.V. Korotayev’s and L.E. Grinin’s conception assumes. An objection is raised against their understanding of “aromorphosis” that narrows the concept of modernization to recurrent economic, political and cultural rises. Instead, modernization is considered to be a long-term naturally determined historical process.

Keywords: modernization, social evolution, aromorphosis, nature, society.

Trubitsyn, Dmitry – D.Sc. in Philosophy, Associate Professor of Transbaikalian State University, Chita.

dvtrubitsyn@yandex.ru

Citation: TRUBITSYN D.V. (2017) Evolution Laws of Nature and Society in the Process of Modernization. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 11, pp. 40-58.

REFERENCES

Grinin L.E., Korotaev A.V. (2007) Social Macroevolution and Historical Process (Introduction). In: *Filosofiya i Obshchestvo*. Vol. 2-4 (in Russian).

Korotaev A.V., Malkov A.V., Khaltourina D.A. (2005) *Laws of History: Mathematical Modeling of Historical Macro-Processes. Demography. Economy. Wars*. KomKniga, Moscow (in Russian).

Prigogine I., Stengers I. (1984) *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature* (Russian translation: Progress, Moscow, 1986).

Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century*. Russian Political Encyclopedia, Moscow (in Russian).

Severtsov A.N. (1967) *The Major Trends of Evolutionary Process*. Moscow University, Moscow (in Russian).

Wallerstein I. (1982) *World-Systems Analysis and the Modern World Situation* (Russian translation: Universitetskaya Kniga, Saint Petersburg, 2001).

Whitehead A. (1990) *Selected Works in Philosophy*. Progress, Moscow (Russian translation).